

ЗАПИСКИ

Семипалатинскаго Подъотдѣла

ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО

ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВЫПУСКЪ II-Й.

СЕМИПАЛАТИНСКЪ.

Типо-Литографія Торг. Дома „П. Плещеевъ и К^о“.

1905.

п. 25970.

Замѣтка объ одномъ киргиз- скомъ джутѣ.

Материаломъ для настоящей замѣтки послужило хранящееся въ архивѣ Семипалатинскаго Областнаго Правленія дѣло бывшего Пограничнаго Управленія Сибирскими киргизами, помѣченное 1841—1849 г.г., подъ заглавіемъ „О принятіи мѣръ къ обезпеченію участи страждущихъ киргизъ Аягузскаго и Кокпектинскаго обруговъ“ (*). Приводимыя въ дѣлѣ свѣдѣнія относятся къ джуту, имѣвшему мѣсто зимой 18⁴⁰/₄₁ г. въ предѣлахъ нынѣшнихъ Семипалатинскаго, Каркаралинскаго, Зайсанскаго и, въ особенности, Устькаменогорскаго уѣздовъ вслѣдствіе жестокихъ бурановъ и гололедицы, охватившей громадные, сравнительно, пространства. Въ Пограничное Управленіе свѣдѣнія о постигшемъ киргизъ бѣдствіи стали поступать съ первыхъ мѣсяцевъ 1841 г. Такъ Аягузскій Окружный Приказъ въ апрѣлѣ донесъ въ Управленіе, что киргизы потеряли минувшей зимой большую часть своего скота и что падежъ все еще продолжается. Особенно пострадавшими оказались кочующія около Иртыша волости Баки-Матаевская, Уваковская и Киреевская. Положеніе этихъ волостей, по словамъ Приказа, было „самое бѣдственное и заслуживало всякаго состраданія. Многие изъ состоятельныхъ хозяевъ поставлены въ невозможность имѣть ны-

(*) Дѣло въ двухъ томахъ, по архивной описи подъ №№ 1593 и 1594 (933—1103 л.).

нѣ сношенія не только съ Приказомъ, но даже съ ближайшими аулами или за изнуреніемъ рабочаго скота, или за совершеннымъ истребленіемъ онаго, а также лишены возможности продовольствовать себя съ семействами“. Поэтому Приказъ полагалъ бы принять къ обезпеченію страждущихъ киргизъ мѣры, „какія начальство признаетъ нужными“, а съ появленіемъ подножныхъ кормовъ приступить къ новому ичисленію во всемъ Аягузскомъ округѣ киргизъ и ихъ скота, такъ какъ въ виду громадной убыли послѣдняго и отпочевки киргизъ въ другія мѣстности производить сборъ ясака по даннымъ прежняго ичисления стало невозможно.

Свѣдѣнія такого же характера были получены Генераль-Губернаторомъ Западной Сибири отъ Войсковой Канцеляріи Сибирскаго линейнаго казачьяго войска, которая сообщила, что отъ жестокой зимы у киргизъ, кочующихъ на лѣвой сторонѣ Иртыша около г. Устькаменогорска и „расположенія мѣсть 8-го полка“, скотъ погибъ, а сами киргизы, „пришедши въ крайнее раззореніе“, просятъ „для снисканія себѣ пропитанія перейти на російскую сторону безъ скота“.

Наконецъ, Командующій Кокчетинскимъ военнымъ отрядомъ сотникъ Портнягинъ въ цѣломъ рядѣ донесеній въ Пограничное Управление и Пограничному Начальнику нарисовалъ еще болѣе ужасную картину бѣдствій, какія испытывали кокчетинскіе киргизы(*). Напримѣръ, судя по донесенію его отъ 31 мая 1841 г., киргизы волостей Бура-Найманской, Кокжарлинской, Сарджумартовской, Терстамгалинской, Матаевской, Киреевской и отчасти Караулъ-Ясыковской «по случаю углубленія въ минувшую зиму снѣговъ и обледеѣлости оныхъ отъ происшедшаго дождя, жестокихъ и бурныхъ погодъ потерпѣли необыкновенный упадокъ во всякомъ родѣ скота, такъ что у многихъ вовсе таковаго не осталось, а если у нѣкоторыхъ частью и остался, то скинулъ плодъ, отчего уже и молока не произошло, которое единственная ихъ (т. е. киргизъ) пища; черезъ это они пришли въ крайнее раззореніе и претерпѣваютъ голодъ». Составить точный списокъ пострадавшихъ киргизъ, по мнѣнію Портнягина, было совершенно нельзя, какъ

(*) Кокчетинскій округъ до формальнаго открытія его въ 1844 г. находился въ завѣдываніи начальниковъ военныхъ отрядовъ.

въ виду огромныхъ предѣловъ округа и малочисленности толмачей, такъ и вслѣдствіе того, что киргизы разошлись по разнымъ мѣстамъ и «самые ихъ даже родоначальники всюду отбываютъ къ ближнимъ своимъ пріятелямъ, меньше отъ зимы пострадавшимъ, для испрашиванія ихъ помощи и пріобрѣтенія скота». Что касается «сыскиваемого въ настоящее время (т. е. весной 1841 г.) киргизами пропитанія», то «нѣкоторые изъ нихъ, судя по мѣстности кочевокъ, т. е. близкіе къ Аягузу разошлись по киргизамъ того округа; расположенные по тракту пикетовъ пропитываются отъ золотопромышленниковъ чрезъ наймы въ работы; приближенные къ линіи переходятъ за Иртышъ и прокармливаются у русскихъ или вымѣниваютъ на коровъ съ телятами и хлѣбъ послѣдніе остатки своего имуществва и скота, не приносящаго имъ пользы къ пропитанію; иные питаются ловлею рыбъ, и частью пріобрѣли скотъ отъ непотерпѣвшихъ упадка пріятелей—киргизъ Аягузскаго округа и независимыхъ Байджигитскихъ волостей». Въ другомъ донесеніи, подтверждая приведенное выше сообщеніе Войсковой Канцеляріи, Портнягинъ объяснилъ, что на правый берегъ Иртыша стремятся перейти кочующіе около этой рѣки киргизы какъ Аягузскаго, такъ и Кокпектинскаго округа. Всѣ они, по словамъ Портнягина, «не токмо потерпѣли отъ жестокой зимы большую потерю скота, но даже переносятъ ужасный голодъ». Помѣщать киргизамъ расходиться съ обычныхъ мѣстъ своихъ кочевокъ по другимъ округамъ и на казачью линію, по мнѣнію Портнягина, было невозможно. Въ заключеніе Портнягинъ просилъ о помощи киргизамъ, пояснивъ, что хлѣба въ Кокпектинскомъ округѣ въ продажѣ совершенно нѣтъ.

Когда всѣ изложенныя донесенія были сообщены Пограничнымъ Начальникомъ Генералъ-Губернатору, съ его стороны послѣдовалъ цѣлый рядъ запросовъ, изъ какихъ волостей и сколько именно киргизъ перешли на линію, о числѣ нуждающихся и т. д., причемъ въ концѣ концовъ было приказано не препятствовать переходу киргизъ на линію и вообще пріисканію пропитанія, какое и гдѣ могутъ пріобрѣсти «своими способами». На эти запросы Аягузскій Окружный Приказъ въ іюль 1841 г. отвѣтилъ, что «по частнымъ свѣдѣніямъ» киргизы, кочующіе близъ линіи, самовольно перешли на нее «въ довольномъ чи-

слѣ», главнымъ образомъ, въ районъ, занятый 7-мъ полкомъ. «Затѣмъ, значительная часть киргизскихъ семействъ, лишившихся скота и нуждающихся въ пособіи, перешли въ волости не столько потерпѣвшія, гдѣ отъ состоятельныхъ киргизъ и обезпечены нынѣ въ содержаніи». Въ томъ же іюлѣ Командующій Кокпектинскимъ отрядомъ сотникъ Портнягинъ донесъ, что перешедшіе на линію киргизы Кокпектинскаго округа «уже безъ нужды могутъ пропитываться снисканіемъ у русскихъ работы». Что касается числа пострадавшихъ, а также откочевавшихъ изъ своихъ волостей, то и Приказъ, и Портнягинъ отписывались, что обо всемъ этомъ «собираются свѣдѣнія». Вѣроятно, въ предвидѣніи такихъ отписокъ Генераль-Губернаторъ рѣшилъ командировать въ Каркаралинскій округъ чиновника особыхъ порученій Тютчева и въ Кокпектинскій и Аягузскій округа совѣтника Главнаго Управленія Западной Сибири Лукошкова, поручивъ имъ на мѣстѣ узнать «сколь можно опредѣлительнѣе число киргизъ, потерпѣвшихъ раззореніе и оттого дѣйствительно нуждающихся въ пособіи, въ чемъ именно они нуждаются, и вслѣдствіе того, какое и въ какой мѣрѣ должно оказать имъ пособіе и, наконецъ, изыскать ближайшія средства къ скорому, вѣрному и необременительному для казны вспоможенію дѣйствительно нуждающимся, дѣйствуя въ семъ случаѣ съ крайнею осмотрительностію, дабы не подать повода всѣмъ потерпѣвшимъ нѣкоторый только убытокъ утруждать о томъ начальство».

Чиновникъ особыхъ порученій Тютчевъ, съѣздивъ въ Каркаралинскій округъ, донесъ Генераль-Губернатору, что совершенно обѣднѣвшія юрты есть въ Чанчаровскихъ волостяхъ: Айбикѣ (150) и Нурбикѣ (50), всего около 700 человекъ. Большая часть пострадавшихъ ушли на казачью линію, оставшіеся же прокармливаются у родичей, почему лѣтомъ въ пособіи нуждаться не будутъ, но зимой могутъ оказаться въ бѣдственномъ положеніи.

Лукошковъ во время своей командировки послалъ Генераль-Губернатору въ іюнѣ и іюлѣ 1841 г. два рапорта, которые были переданы Генераль-Губернаторомъ на заключеніе въ Совѣтъ Главнаго Управленія Западной Сибири.

Изъ журнала этого Совѣта, отъ 25/26 іюля того же года, видно, что въ первомъ рапортѣ Лукошковъ сообщилъ Генераль-Губернатору слѣдующія свѣдѣнія. Волостные управители, письмоводители и толмачи заявили Лукошкову, что въ Аягузскомъ округѣ у киргизъ Семизъ-Наймановской, Кендже-Муруновской, Туминской, Куттумбетъ-Муруновской, Кыржинской, Мурунъ-Назаровской, Кыдыръ-Муруновской, двухъ Сивановскихъ и Булатчинской пало отъ джута зимой 184⁰/1 г. 444 верблюда, 10703 лошади, 6295 головъ рогатаго скота и 71746 барановъ. Самъ Лукошковъ разузналъ, что въ волостяхъ Уваковской, Баки-Матаевской и Киреевской «наиболѣе потерпѣли уронъ» 322 юрты въ числѣ 876 д. м. и 709 ж. п. У этихъ киргизъ пало: верблюдовъ—1515, лошадей—7709, рогатаго скота—1961 гол. и овецъ и козъ—18391. «Счетъ» этотъ Лукошковъ не рѣшился назвать «вѣрнымъ», «во 1-хъ потому, что киргизы всегда увеличиваютъ свою потерю, и во 2-хъ, потому, что многіе кочуютъ такимъ образомъ, что ни султаны, ни аульные старшины не знаютъ о настоящемъ ихъ мѣстопребываніи». «Обозрѣвая же лично»—писалъ Лукошковъ—«аулы и стада, посѣщая всѣ наиболѣе бѣдныя юрты, спрашивая о настоящемъ положеніи и о надеждахъ въ будущемъ, обитающихъ въ нихъ», онъ призналъ «положительно», что кромѣ упомянутыхъ 3 волостей всѣ прочія Аягузскія волости, а также Бура-Наймановская въ Кокпектинскомъ округѣ, которую Лукошковъ осмотрѣлъ по спонутности, «находятся въ прекрасномъ положеніи, чему доказательствомъ служить то, что онъ постоянно усматривалъ на всемъ пространствѣ видимаго горизонта тѣхъ мѣстъ, гдѣ онѣ кочуютъ, многочисленнѣйшія стада верблюдовъ, лошадей и проч. скота». Что же касается наиболѣе пострадавшихъ Уваковской, Баки-Матаевской и Киреевской волостей, то если признать даже, что въ нихъ обѣднѣла $\frac{1}{7}$ часть киргизъ, все-таки, въ настоящее время (т. е. въ іюнѣ) рѣшительно нѣтъ ни одного семейства, которое-бы не имѣло дневнаго пропитанія. Упадокъ въ благосостояніи ихъ», по мнѣнію Лукошкова, «можно сравнить съ упадкомъ крестьянъ отъ 2—3 сряду неурожайныхъ годовъ. Если русскій крестьянинъ, стоя на несравненно высшей степени образованія и обитая въ мѣстахъ, гдѣ жизнь гражданская въ полномъ развитіи, находитъ бо-

лѣе средствъ къ своему существованію, взамѣнъ того» — продолжалъ краснорѣчивый совѣтникъ — «у этихъ номадовъ сфера необходимаго несравненно меньшаго объема и щедрѣе разверста рука на вспомошествованіе единоплеменнику. Тяжко положеніе киргизъ было при концѣ зимы и началѣ весны, но и тутъ, по свидѣтельству Лукошкова, падавший скотъ въ холодное время послужилъ имъ въ пищу. Съ весною возродились нѣмѣ (кромѣ падали?) средства къ существованію — многіе ушли на линію для снисканія работъ. Шесть золотыхъ приисковъ ежедневно занимаютъ 1200 человѣкъ, прокармливая ихъ и выдавая денежную плату. Многіе прикочевали къ городамъ, гдѣ снискиваютъ пропитаніе, оставшіеся же находятъ не только чашку молока у своихъ собратій, но и всю возможную помощь».

На обследованіе Аягузскаго округа Лукошковъ употребилъ около 2-хъ недѣль; еще меньше времени потребовалось ему, чтобы найти полное благосостояніе и въ Кокпектинскомъ округѣ. Судя по второму его рапорту, Командующій Кокпектинскимъ военнымъ отрядомъ указалъ, между прочимъ, что въ волостяхъ Сарджумартовской и Караулъ-Ясыковской киргизы потеряли 666 верблюдовъ, 6886 лошадей, 7037 головъ рогатаго скота и 63815 барановъ. «По личному же обходу» какъ этихъ, такъ и Терстамгаинской волости, Лукошковъ удостовѣрился, что «нынѣ волости сѣ въ хорошемъ положеніи», что доказываея слѣдующими фактами. Во 1-хъ, Лукошковъ «видѣлъ при кочеваніи Караулъ-Ясыковскую волость, и вся она кочевала на верблюдахъ, и онъ не замѣтилъ ни одного кочующаго на быкѣ или въ арбѣ. Во 2-хъ, аулы ихъ состоятъ въ 2, 3 и не болѣе 5 юртъ, когда же у киргизъ стада немногочисленны, аулы ихъ состоятъ изъ 10, 20 и болѣе юртъ. Въ 3-хъ, стада ихъ относительно народонаселенія должно назвать многочисленными. И въ 4-хъ, у нихъ есть пашни». Хотя старшина Сарджумартовской волости Тлеуберды Козубаевъ донесъ Командующему Кокпектинскихъ отрядомъ, что «подвѣдомственные ему киргизы отъ голода ходить не могутъ», но это оказалось, по увѣренію Лукошкова, сказкой: онъ лично обходилъ съ Козубаевымъ всѣ кочующіе при немъ аулы и Козубаевъ «не въ состояніи былъ указать ему ни одной юрты, которую, называя бѣдною, слѣдовало бы воспомоществовать».

Такимъ образомъ, судя по рапортамъ Лукошкова, выходило какъ-будто такъ, что Аягузскій Приказъ и сотникъ Портнягинъ обрисовали положеніе киргизъ въ совершенно невѣрныхъ краскахъ. Самъ совѣтникъ нашелъ, что помощь должна быть оказана очень немногимъ, при томъ исключительно хлѣбомъ. «Казалось бы съ перваго взгляда» — мотивировалъ свой выводъ Лукошковъ — «что приличѣйшая помощь номаду — скотъ, но опытъ указываетъ иное: киргизъ можетъ терпѣть голодъ зимою и при началѣ весны, но лѣтомъ — никогда. Зимою и при началѣ весны скотъ не имѣетъ молока, слѣдовательно употребленъ будетъ непременно въ пищу».

«Уважительными правами на помощь правительства» должны быть, по мнѣнію Лукошкова, «неимѣніе вовсе скота, совокупное съ сиротствомъ круглымъ, преклонность лѣтъ, болѣзненное состояніе и многочисленность семейства безъ работника.» Такихъ юртъ Лукошковъ нашелъ въ Аягузскомъ округѣ 51, въ томъ числѣ въ волостяхъ Бақыматаевской — 27, Уваковской — 11 и Киреевской — 13, и въ Кокнектинскомъ округѣ 15, именно въ волостяхъ Караулъ-Ясыковской 6 и Сарджумартовской 9. «Но какъ онъ не всѣхъ могъ видѣть, то предполагаетъ, что еще найдется такое же число», т. е. число семей, нуждающихся въ вспомошествованіи, можно опредѣлить въ 132. Дальше идутъ слѣдующія соображенія Лукошкова о размѣрахъ пособия этимъ семьямъ. «Считая населеніе ихъ по 5 на каждую, выходитъ 660 чел. вспомошествованіе имъ производить въ теченіе 5 мѣсяцевъ, отъ половины ноября до половины апрѣля. Киргизу довольно, по способу приготовленія, одного пуда муки на мѣсяцъ, итого потребуется 3300 пуд.» Въ объѣздъ свой Лукошковъ получилъ отъ разныхъ торговцевъ и золотопромышленниковъ обѣщаніе пожертвовать въ пользу киргизъ деньгами 810 р., китайскихъ дабъ на 501 р. и хлѣба на 3990 р., всего, въ переводѣ на деньги, 5381 р. ассиг. Сумма эта, по мнѣнію Лукошкова, могла бы значительно увеличиться. Въ заключеніе Лукошковъ объяснилъ, что «прошедшая зима, если и была, съ одной стороны, пагубна для киргизъ, то съ другой произвела и благотворное дѣйствіе, убѣдивъ ихъ горькимъ опытомъ въ необходимости заводить

сѣнокосеніе и пашни—такъ киргизы вездѣ отзывались на его предложенія имъ запасаться сѣномъ на зиму и сѣять хлѣбъ».

Кромѣ этихъ рапортовъ Лукошковъ представилъ Генераль-Губернатору докладную записку, въ которой высказалъ слѣдующія пожеланія: «1) чтобы на основаніи т. 2 Учр. Губ. ст. 1715 все пожертвованіе положено было въ основаніе того запаснаго капитала, каковой долженствуетъ быть въ округахъ на основаніи тѣхъ же законовъ, ст. 3403. 2) Чтобы раздача пожертвованнаго хлѣба была произведена не иначе, какъ въ видѣ продажи въ долгъ или ссуды съ возвратомъ, что будетъ служить нѣкоторымъ образомъ огражденіемъ отъ тѣхъ, кои могли-бы утруждать правительство просьбами безъ достаточныхъ правъ. 3) Въ случаѣ возврата отъ кого-либо, чье благосостояніе въ послѣдствіи возстановится, возвращенное присоединять къ основываемому запасному капиталу и выдавать въ послѣдствіи желающимъ на посѣвъ съ возвратомъ же. 4) Для лучшей правильности въ выдачѣ положить нѣкоторыя особенныя правила по учету».

Совѣтъ Главнаго Управленія, разсмотрѣвъ рапорты и записку Лукошкова, вполне согласился со всѣми его заключеніями и постановилъ предложить Пограничному Начальнику: 1) «обеспечить къ 1 ноября 1841 г. Аягузскій и Кокпектинскій округа нужнымъ количествомъ хлѣба на вспомошествованіе 660 бѣднѣйшимъ киргизамъ, 2) выдачу этого хлѣба производить, согласно съ заключеніемъ г. совѣтника Лукошкова, въ видѣ продажи въ долгъ или займа съ возвратомъ тѣмъ изъ киргизовъ, которые при кругломъ сиротствѣ не имѣютъ вовсе скота, или по преклонности лѣтъ, болѣзненному состоянію и многочисленному семейству безъ работника не въ состояніи найти никакихъ средствъ къ пропитанію себя въ зимнее время», 3) обязать лицъ, на которыхъ будетъ возложено снабженіе киргизъ хлѣбомъ, вести строгую отчетность и 4) «по прошествіи зимы, т. е. въ маѣ будущаго года, доставить Его Сіятельству Г. Генераль-Губернатору подробный обо всемъ по настоящему предмету отчетъ съ мнѣніемъ, не должно ли будетъ учредить въ Аягузскомъ и Кокпектинскомъ округахъ постоянную продажу хлѣба отъ казны и въ какой пропорціи, хотя это и бы-

ло признано въ 1839 году не нужнымъ по благопріятствовавшимъ тогда въ степи обстоятельствамъ» (*).

Журналъ Совѣта Главнаго Управленія Генераль-Губернаторъ предложилъ привести въ исполненіе Пограничному Начальнику, который въ августѣ 1841 г. съ своей стороны поручилъ Пограничному Управленію «собрать нынѣ-же самовѣриѣйшее свѣдѣніе черезъ Аягузскій Приказъ и Кокпектинскаго Отряднаго Начальника о дѣйствительно нуждающихся киргизахъ согласно заключенію г. совѣтника Лукошкова». Сборъ пожертвованій въ Семипалатинскѣ поручить «благонадежному» чиновнику Аягузскаго Приказа, присоединивши къ нему начальника тамошняго отряда и нѣсколько почетныхъ бѣевъ, пользующихся довѣріемъ народа, а въ Устькаменогорскѣ и на золотыхъ пріискахъ — Кокпектинскому Отрядному Начальнику и султану Клычу Досанову съ пользующимися довѣріемъ у народа волостными управителями и почетными бѣями, по усмотрѣнію Пограничнаго Управленія. «Потомъ къ 1 ноября обязать ихъ изъ найденныхъ совѣтникомъ Лукошковымъ 660 бѣднѣйшихъ киргизъ обоихъ округовъ снабжать нужнымъ количествомъ хлѣба, полагая на каждаго человѣка въ мѣсяцъ порцію, опредѣленную Совѣтомъ Главнаго Управленія», при чемъ пособіе должно даваться «въ видѣ продажи въ долгъ или займа съ возвратомъ», не болѣе 1 п. сразу на человѣка. Что касается доставки хлѣба, то было предписано возложить его перевозку въ кочевья нуждающихся на киргизъ.

(*) «Пограничное Управленіе Сибирскихъ киргизовъ, имѣя въ виду 3403 ст. Учр. Губ. т. 2 предполагало открыть въ округахъ хлѣбную продажу, почему входило о томъ съ представленіемъ отъ 9 февраля 1839 г. къ Исправлющему должность Пограничнаго Начальника. Но какъ по разсмотрѣніи собранныхъ, вслѣдствіе этой переписки, отъ Окружныхъ Приказовъ надлежащихъ свѣдѣній, оказалось, что киргизы близъ линейные пріобрѣтаютъ муку для продовольствія у линейныхъ жителей и на мѣстныхъ дворахъ вымѣномъ на свои издѣлія и покупкою, а дальніе тѣми же средствами достаютъ ее отъ жителей, водворенныхъ во внѣшнихъ округахъ, нѣкоторые же и сами производятъ достаточное хлѣбопашество, такъ что у нихъ остается хлѣба отъ употребленія, который они также сбываютъ черезъ мѣну и продажу прочимъ киргизамъ и даже русскимъ, въ округахъ поселившимся, а при томъ дальніе киргизы, не свыкшіеся еще со всегдашнимъ употребленіемъ хлѣба, замѣняя его мясомъ и кумысомъ, совершенно не находятъ въ немъ надобности, то посему Пограничное Управленіе нашло безполезнымъ открывать отъ казны продажу хлѣба во внѣшнихъ округахъ до тѣхъ поръ, пока не представится существенной въ томъ надобности по непредвидѣннымъ случаямъ. На что, по извѣстности обстоятельствъ въ степи, согласился и исправляющій должность Пограничнаго Начальника».

Въ Копектинскомъ округѣ завѣдывавшій этимъ округомъ сотникъ Портнягинъ въ августѣ 1841 г. опредѣлилъ число «бѣдныхъ и неимущихъ скота киргизъ» въ 292 семьи. Аягузскій Приказъ, послѣ «строжайшихъ подтвержденій» Пограничнаго Управленія, сначала донесъ, что по отзыву волостныхъ управителей хотя въ округѣ «и есть самыя бѣднѣйшія не въ состояніи дневного пропитанія, но они призрѣны со стороны ихъ (т. е. управителей) и не имѣютъ нужды въ пособіи правительства». Затѣмъ, когда со стороны Пограничнаго Управленія послѣдовалъ запросъ, надѣется-ли Приказъ, что управители будутъ въ состояніи прокормить бѣднѣйшихъ киргизъ въ предстоящую зиму безъ пособія отъ казны, Приказъ далъ два уклончивыхъ отвѣта, а именно, что отъ управителей отбирается подписка, что они «не допустить бѣдныхъ киргизъ претерпѣвать голодъ», а во вторыхъ, что по свѣдѣніямъ, собраннымъ черезъ толмача Черкашенина и султана Дауга Мамырханова и провѣреннымъ засѣдателемъ Серебряковымъ, въ Аягузскомъ округѣ къ октябрю 1841 г. оказалось киргизъ, не имѣющихъ никакого скота, 332 семьи въ составѣ 1563 душъ обоего пола.

Хотя приведенныя данныя далеко не гармонировали съ тѣми свѣдѣніями о бѣдствіи киргизъ, какія сообщались сотникомъ Портнягинымъ и Аягузскимъ Приказомъ весной 1841 г., тѣмъ не менѣе въ Пограничномъ Управленіи и эти скромныя данныя показались преувеличенными. Такъ, Пограничное Управленіе, разсмотрѣвъ сообщеніе Аягузскаго Приказа о числѣ нуждающихся киргизъ, признало послѣднее «несоразмѣрно увеличеннымъ» по сравненію со свѣдѣніями совѣтника Лукошкова, который во всемъ Аягузскомъ округѣ нашелъ такихъ киргизъ лишь 255. «Полагая, что совѣтникъ Лукошковъ не могъ всѣхъ видѣть бѣдныхъ киргизъ» говорится въ одномъ журналѣ Управленія, а потому, если даже прибавить къ найденному имъ числу нуждающихся еще 100 человекъ, все таки получится 355, а не 1563, какъ донесъ Приказъ. Пограничный Начальникъ въ ноябрѣ 1841 г. предложилъ Пограничному Управленію обязать Аягузскій Приказъ убѣдить управителей тѣхъ волостей, гдѣ не было надежа скота, пріютить къ себѣ и оказывать помощь нуждающимся киргизамъ, а затѣмъ «объ остальныхъ киргизахъ, которые дѣйствительно будутъ нуждаться въ

содержаніи своихъ семействъ, доставить въ самоскорѣйшемъ времени самыя положительныя свѣдѣнія, такъ какъ число бѣднѣйшихъ киргизъ въ представленной изъ Аягузскаго Приказа вѣдомости противъ свѣдѣній, собранныхъ совѣтникомъ Лукошковымъ, чрезвычайно увеличено». Также взглянулъ на дѣло и Генералъ-Губернаторъ. Въ ноябрѣ того-же года онъ далъ знать Пограничному Начальнику, что «въ выдачѣ киргизамъ пособія должно руководствоваться не преувеличенными свѣдѣніями Приказовъ о нуждающихся въ пособіи киргизахъ, но удостовѣреніями, произведенными о томъ г.г. совѣтникомъ Главнаго Управленія Лукошковымъ и чиновникомъ особыхъ порученій Тютчевымъ, поставя Приказамъ въ строгую и непремѣнную обязанность изыскивать для дѣйствительно нуждающихся киргизъ болѣе частныя пособія, склоняя зажиточныхъ родовичей ихъ къ добровольному вспоможенію имъ, чѣмъ домогаться значительной траты на то изъ сдѣланнаго уже г. Лукошкову пожертвованія и сверхъ того требовать еще отъ правительства дополнительной къ этому пожертвованію суммы.

Командующій Кокпектинскимъ отрядомъ быстро сообразилъ, что отъ него требовалось, и въ декабрѣ 1841 г. увѣдомилъ Пограничное Управленіе, что нуждающихся киргизъ въ Кокпектинскомъ округѣ всего 150 душъ обоого пола, въ числѣ которыхъ были показаны 12 вдовъ и 88 малолѣтнихъ дѣтей (*). Вѣроятно, дѣло обстояло далеко не такъ, потому что въ томъ же донесеніи Портнягиня «сверхъ сего» «счелъ долгомъ» сообщить, что въ Кокпектинскомъ округѣ «киргизы бѣдные пропитываются: Караулъ-Ясыковской волости по рѣчкѣ Букони травой, наз. таль-коже, растущей на талу, собираемыми съ оной сѣменами, которыя очень питательны, и таковыми же, собираемыми съ травы щевеля, наз. по киргизски кызылъ-курай. При горахъ Себинскихъ Сарджумартовской волости—выдѣлываютъ изъ дикаго конопля веревки, сбываютъ оныя въ г. Устькаменогорскъ на хлѣбъ, а также частью

(*) При донесеніи Отряднымъ Начальникомъ былъ представленъ именной списокъ нуждающихся киргизъ съ слѣдующимъ заголовкомъ: «Списокъ самымъ бѣднѣйшимъ киргизамъ сего округа, который составленъ мною по личному удостовѣренію, и дѣйствительно нуждающимися въ пропитаніи своихъ семействъ, не имѣвшимъ совсѣмъ никакой скотины и даже средствъ къ пропитанію при кругломъ сиротствѣ или преклонныхъ лѣтахъ имѣвшимъ большое семейство, и таковымъ, которые по болѣзненнымъ припадкамъ не могутъ производить работъ».

питаются сѣменами, получаемыми съ травы кызыль-курая. По рѣчкѣ Чигилеку Терстамгалинской волости—рода Черчуаты, кромѣ полученнаго не въ большомъ количествѣ съ пашень хлѣба, дикою просянкою, родившеюся на пустошахъ въ пяти родахъ, наз. кокъ-кунакъ, кызыль-кунакъ, камчи-кунакъ, ить-кунакъ и секеманъ-тары». Образцы сѣмянъ всѣхъ этихъ растений Портнягинъ препроводилъ вмѣстѣ со своимъ до-
нессіемъ въ Пограничное Управленіе.

Сообщеніе Портнягина объ употребленіи киргизами въ пищу ка-
кихъ то сѣмянъ возбудило такую оригинальную и характерную для
того времени переписку, что я позволю себѣ изложить ее по возмож-
ности подробнѣе.

Пограничное Управленіе нисколько не задумалось надъ вопросомъ,
почему же благотворствующіе киргизы съ самаго начала зимы стали
питаться щевелемъ, а просто рѣшило: «препроводить присланныя сѣ-
мена къ штабъ-лекарю Чучкину для испытанія, не имѣютъ ли они въ
себѣ чего вреднаго для здоровья людей». Получивъ такое предложеніе
Чучкинъ 21 января 1842 г. сообщилъ Приказу слѣдующее: «Вопросъ та-
кой не иначе можно разрѣшить, какъ наблюденіемъ надъ тѣми сѣме-
нами въ то время, когда они были бы употреблены въ пищу; но какъ
ихъ прислано по весьма малому количеству, изъ котораго никакого
употребленія сдѣлать нельзя, то и отвѣта о вредѣ ихъ сдѣлать нельзя.
Не благоугодно-ли будетъ Пограничному Управленію предписать
Кокпектинскому Отрядному Начальнику, чтобы онъ сдѣлалъ точнѣйшее
наблюденіе о вредѣ или безвредности этихъ сѣмянъ тамъ, гдѣ употре-
бляютъ ихъ киргизы въ пищу? и описалъ бы подробно, въ какомъ
видѣ они употребляются въ пищу? Всегда-ли употребляются или за
совершеннымъ неимѣніемъ другой пищи? Давно-ли они употребляются?
На какой почвѣ земли растутъ? Въ округѣ Кокпектинскомъ или вдали
гдѣ? На мѣстахъ высокихъ или на низахъ? Сѣются киргизами или ди-
ко растущія собираются? и въ заключеніе прислалъ бы не сѣмена толь-
ко, но цѣлыя растенія, въ какомъ видѣ они произрастаютъ. Относи-
тельно вреда, сѣмена эти не должны имѣть его въ себѣ, въ против-
номъ случаѣ киргизы не употребляли бы ихъ въ пищу». Глубокомыс-
ленный выводъ штабъ-лекаря не успокоилъ Пограничное Управленіе и

оно журналомъ отъ 31 января того-же года опредѣлило: «По выслушаніи отношенія штабъ-лекаря Чучкина и справки приказали: съ изъясненіемъ означеннаго отношенія предписать Командующему Кокпектинскимъ отрядомъ, чтобы онъ доставилъ все требуемое отъ его тѣмъ отношеніемъ по означенному предмету въ сіе Управление въ непродолжительномъ времени, о чемъ донести и состоящему въ должности Пограничнаго Начальника». На запросъ Пограничнаго Управленія сотникъ Портнягинъ въ февралѣ 1842 г. отвѣтилъ такъ: «Киргизы употребляютъ себѣ въ пищу растенія, наз. ими кызыль-курай и таль-коже безъ малѣйшаго имъ вреда; употребляя же оныя, варятъ въ казанахъ не иначе, какъ смѣшивая въ оныя часть мяса или хлѣба въ зернѣ, ячменю или пшеницы, и изъ нихъ послѣднее гораздо питательнѣе. Употребляютъ въ пищу стали только въ настоящую зиму, прежде этого никогда не употребляли. Кызыль-курай растетъ на луговыхъ мѣстахъ, а послѣдняя при берегахъ рѣчекъ при талѣ, взлѣзая на оный въ родъ хмѣля, и вблизи Кокпектинскаго селенія, не сѣянныя, а дико растущія. Впрочемъ, въ настоящее время киргизы уже оныя растенія въ пищу не употребляютъ, такъ какъ по углубленію сѣговъ оныя завалило». 11 марта 1842 г. Пограничное Управление новымъ журналомъ постановило: присланные растенія препроводить къ Чучкину и «просить сдѣлать имъ испытаніе и что по оному окажется увѣдомить». Наконецъ, въ сентябрѣ 1842 г. вопросъ о злополучныхъ сѣменахъ былъ законченъ слѣдующимъ сообщеніемъ Чучкина: «Препровожденные ко мнѣ сѣмена растеній, употребляемыхъ въ пищу кокпектинскими киргизами, были посѣяны мною здѣсь, собраны и употреблены для испытанія: вреднаго вліянія на здоровье человѣка они не дѣлаютъ, слѣдовательно, могутъ быть употребляемы въ пищу, особенно при недостаткѣ или при неимѣніи другихъ пищевыхъ веществъ».

Вернемся, однако, къ дѣйствіямъ Командующаго Кокпектинскимъ отрядомъ по прокормленію «нуждающихся» 150 человѣкъ. Вопреки предложенію Пограничнаго Управленія выдавать киргизамъ въ мѣсяцъ на человѣка по 1 п. муки, Портнягинъ рѣшился на свой страхъ замѣнить послѣднюю ячменемъ, «такъ какъ киргизы муку въ пищу не употребляютъ». Ячмень этотъ выдавался «съ подтвержденіемъ при томъ,

чтобы они (т. е. голодающіе) выданный хлѣбъ употребляли въ пищу со всевозможнымъ сбереженіемъ». Какъ видно изъ отчетовъ Портнягина и затѣмъ Аягузскаго Приказа(*), въ пользу нуждающихся киргизъ Кокпектинскаго округа жителями г. Устькаменогорска и нѣкоторыми золотопромышленниками было пожертвовано 721 п. 25 ф. ячменя и 830 р. деньгами, изъ которыхъ до осени 1842 г. было употреблено 715 р. 45 к. на покупку для киргизъ ячменя. Всего въ ссуду было выдано 693 п. 6 ф. съ обязательной уплатой за нихъ 879 р. 71¹/₄ к.

Въ Каркаралинскомъ округѣ Приказъ нашелъ достаточнымъ для прокормленія нуждающихся киргизъ въ Чанчаровскихъ и Ялыкпашевской волостяхъ 200 п. ячменя, который и былъ доставленъ въ округъ изъ Семипалатинска.

Въ Аягузскомъ округѣ Приказъ не сумѣлъ справиться со всѣмъ такъ гладко, какъ это удалось сотнику Портнягину. Прежде всего Приказу пришлось объяснить, почему, какъ было указано выше, число нуждающихся въ Аягузскомъ округѣ, по даннымъ Приказа, оказалось выше данныхъ о томъ же совѣтника Лукошкова. Провѣрить это число Приказъ поручилъ въ ноябрѣ 1841 г. и. д. старшаго султана Шанхаеву, засѣдателью Серебрякову и начальнику отряда сотнику Ньюхолову, которые были командированы Приказомъ въ Семипалатинскъ для сбора пожертвованныхъ денегъ и хлѣба. Наконецъ, въ срединѣ декабря нѣкоторое количество хлѣба было куплено, но тутъ, какъ сообщили въ Пограничное Управленіе Серебряковъ и Ньюхоловъ, произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное. «При вызовѣ киргизъ, состоящихъ при кругломъ сиротствѣ, неимѣющихъ вовсе скота или по преклонности лѣтъ, болѣзненному состоянію и многочисленному семейству безъ работника не въ состояніи найти ни какихъ средствъ къ пропитанію себя для полученія въ пособіе хлѣба по одному пуду, Уваковской и Киреевской волостей аульные старшины, бии и почетнѣйшіе киргизы

(*) По распоряженію Пограничнаго Управленія, отъ 21 января 1842 г., «основанному на волѣ высшаго начальства, всѣ дѣла, состоявшіе до того въ вѣдѣніи Командующаго Кокпектинскимъ отрядомъ, о киргизахъ того округа по гражданскому вѣдомству, поступили въ распоряженіе Аягузскаго Приказа».

отобранными сказками объявили, что киргизы ихъ вѣдомства, лишившіеся въ прошедшую жестокую зиму скота, нынѣ имѣвши зимнія свои кочевки близъ крестьянскихъ селеній, форпостовъ и редутовъ, расположенныхъ по р. Иртышу, у жителей работами своими и милостынею вполне спискиваютъ себѣ съ семействами безбѣдное пропитаніе, вмѣстѣ съ тѣмъ и они (т. е. аульные старшины и пр.) съ своей стороны обязываются имъ по мѣрѣ надобности въ продовольствіи ихъ оказывать свое вспомошествованіе». Послѣ этого Серебряковъ и Нюхоловъ, «отправясь на мѣсто кочевки тѣхъ киргизъ, лично спрашивали ихъ, желаютъ ли въ пособіе себѣ получить хлѣба», но они заявили, что лучше хотятъ получить его въ ссуду весной для посѣва. Султанъ Баки-Матаевской волости Даутъ Мамархановъ далъ подписку, что «онъ ни подъ какимъ видомъ не допустить бѣдныхъ киргизъ своего вѣдомства претерпѣвать голодъ».

Такого же рода сообщеніе было получено Пограничнымъ Управленіемъ въ февралѣ изъ самаго Аягузскаго Приказа: по его разслѣдованію; нуждающихся въ округѣ (въ волостяхъ Уваковской, Киреевской и Баки-Матаевской) оказалось всего 64 семьи въ составѣ 295 душъ обоого пола, но и тѣ, живя на линіи, отъ пособія отказались. Затѣмъ по наступленіи весны Приказъ командировалъ въ Семипалатинскъ толмача Полынцева для раздачи киргизамъ хлѣба въ ссуду, какъ они просили, на посѣвъ, но тутъ произошло новое недоразумѣніе. Полынцевъ распорядился, чтобы волостные управители выслали къ нему «нуждающихся», но такъ какъ никто не явился, то Полынцевъ рѣшился даже послать въ волости казаковъ нарочныхъ, послѣ чего въ Семипалатинскъ прибыли старшины тѣхъ волостей, гдѣ по спискамъ были «нуждающіеся», и объявили, что теперь они «надобности въ вспомошествованіи не имѣютъ и съ казной связи имѣть не желаютъ». Въ виду этого отзыва киргизъ Пограничное Управленіе пришло къ заключенію, что «внушено имъ превратно распоряженіе Начальства» и поэтому потребовало отъ Аягузскаго Приказа немедленнаго объясненія. Приказъ въ іюлѣ 1842 г. отвѣтилъ, что въ Уваковской и Киреевской волостяхъ киргизы отказались отъ ссуды оттого, что до ея предложенія уже посѣяли хлѣбъ, а матаевцы—подъ тѣмъ предлогомъ, что на-

добности въ помощи не имѣютъ, «тѣмъ болѣе», какъ откровенно объяснилъ Приказъ, — «что бѣдные киргизы избѣгаютъ отъ всякой связи и одолженія отъ казны». Это объясненіе показалось Пограничному Управленію еще болѣе предосудительнымъ: изъ словъ Приказа Управленіе усмотрѣло, что киргизы Аягузскаго округа «до того настрашены, что рѣшаются претерпѣвать крайность и нужду, чтобъ только не имѣть сношенія съ Приказомъ, а это показываетъ неумѣніе засѣдателей обращаться съ народомъ и заполучить довѣріе его, за что и дѣлается имъ строгій выговоръ». Въ концѣ концовъ Приказу удалось до осени 1842 г. выдать въ ссуду только 4 п. пшеницы, цѣной 10 р. 40 к.

Къ осени 1842 г. въ Семипалатинскѣ было собрано пожертвованій деньгами 15 р. 42 к. и хлѣбомъ (3 п. ржи, 382 п. ячменя, 241 п. пшеницы) и дабами (209 шт.) на 1798 р. 68 к., всего на 1814 р. 10 к. (*).

Хлѣбъ, за исключеніемъ отправленнаго въ Каркаралы, былъ сложенъ въ особомъ амбарѣ, что же касается дабъ, то съ разрѣшенія Пограничнаго Управленія Аягузскій Приказъ отправилъ ихъ, когда началась уборка хлѣба, въ Муруновскія волости и Семпрѣчье для обмѣна у киргизъ на хлѣбъ. Затѣмъ, когда описанная выше продовольственная компанія закончилась, возникъ вопросъ, что сдѣлать съ хлѣбомъ и деньгами, какъ оставшимися, такъ и тѣми, которые будутъ поступать въ возвратъ судъ. Командующій Кокпектинскимъ отрядомъ сотникъ Портиягинъ категорически высказался за устройство въ Кокпектахъ казенной продажи хлѣба (**), Аягузскій же Приказъ, на сдѣланный ему по этому поводу запросъ, объяснилъ, что въ Аягузѣ въ такой продажѣ нѣтъ никакой надобности, потому что за исключеніемъ сѣверной части округа, аягузскіе киргизы не только не нуждаются въ покупномъ хлѣбѣ, а напротивъ, имѣя значительные посѣвы, сами про-

(*) Подписокъ было на 2276 р. 20 к.

(**) По мнѣнію Портиягина, тогда киргизы, пришедшіе отъ упадка скота въ двѣ прошедшія зимы «въ крайнюю бѣдность», могли бы покупать хлѣбъ на мѣстѣ и тѣмъ «спасти отъ неминуемаго голода». Покупался-бы хлѣбъ и для посѣва. «При таковомъ пособіи, я полагаю, промышленность хлѣбопашества могла упрочиться гораздо въ лучшемъ состояніи прежняго, какъ киргизы чрезъ упадокъ скота весьма поняли, что хлѣбопашество есть прочный и драгоцѣнный источникъ промышленности».

даютъ его русскимъ, для сѣверныхъ же киргизъ удобнѣе будетъ покупать хлѣбъ на линіи, чѣмъ ѣздить за нимъ въ Аягузъ. Въ виду такихъ разнорѣчивыхъ данныхъ Пограничное Управленіе высказалось въ концѣ 1842 г. за то, чтобы весь хлѣбъ продать и деньги «обратить въ капиталъ, который и наименовать экономическимъ капиталомъ, принадлежащимъ въ пособіе сибирскимъ киргизамъ».

По разсмотрѣніи этого вопроса Совѣтомъ Главнаго Управленія Западной Сибири, всѣ предположенія Пограничнаго Управленія въ январѣ 1844 г. были утверждены Генераль-Губернаторомъ, съ тѣмъ, чтобы капиталъ хранился въ одномъ изъ кредитныхъ установленій.

Около половины дѣла, которымъ я пользовался для составленія настоящей замѣтки, занято утомительной перепиской Пограничнаго Управленія съ Аягузскимъ и Кокпектинскимъ(*) Приказами о скорѣйшей продажѣ хлѣба, сборѣ недоимокъ, доставленіи отчетности и проч. Пограничное Управленіе требовало, чтобы хлѣбъ былъ проданъ не иначе какъ по справочнымъ цѣнамъ, Приказы же отписывались, что такихъ цѣнъ никто не даетъ, а между тѣмъ «хлѣбъ время отъ времени приходитъ въ порчу и подвергается расхищенію мышей». Только въ концѣ 1847 г. кончилась эта переписка о продажѣ, такъ какъ въ концѣ концовъ Пограничное Управленіе разрѣшило продать хлѣбъ съ аукціоннаго торга. Въ Семипалатинскѣ при повѣркѣ хлѣба передъ продажей была обнаружена нѣкоторая недостача его, при чемъ самый хлѣбъ «оказался—какъ донесъ одинъ изъ засѣдателей—подвергшимся весьма значительному мышеяду и большая часть онаго гнилости и затхло-сти», почему, безъ всякой очистки хлѣба, весь онъ (болѣе 200 п. пшеницы и ячменя) былъ проданъ киргизамъ за 33 руб. Представивъ въ концѣ 1848 г. переписку объ этомъ фактѣ Пограничному Начальнику, Пограничное Управленіе между прочимъ опредѣлило: «просить разрѣшенія, какъ поступить съ неоказавшимся хлѣбомъ». Опять началась переписка и лишь 31 марта 1849 г. Пограничный Начальникъ сдѣлалъ такую резолюцію: «полагаясь на завѣреніе Пограничнаго Управленія, что въ убыли хлѣба нѣтъ виновныхъ, я съ своей стороны

(*) Кокпектинскій Приказъ былъ открытъ въ 1844 г.

не встрѣчаю препятствій на исключеніе, изъ наличности, неказавшагося хлѣба».

Съ такимъ же успѣхомъ шла переписка и о взысканіи съ киргизъ недоимокъ за полученный въ ссуду хлѣбъ. Какъ было сказано выше, на прокормленіе голодающихъ киргизъ Каркаралинскаго округа было отпущено 200 п. Въ апрѣлѣ 1842 г. Приказъ увѣдомилъ Пограничное Управленіе, что $\frac{1}{3}$ хлѣба писмоводитель Зефировъ отдалъ подъ расписку старшинѣ Нурбикѣ-Чанчаровской волости Кантаю Битеневу, $\frac{1}{3}$ старшинѣ Ялыкпашевской волости Кутану Кулбаеву и $\frac{1}{3}$ предполагалъ отдать киргизамъ Айбикѣ-Чанчаровской волости, но «родоначальникъ» ея майоръ Токсонбай Тленчинъ заявилъ, что его киргизы ни въ какой помощи не нуждаются. Изъ слѣдующихъ донесеній Приказа можно было бы заключить, что и послѣдняя волость получила свою долю пособія, тѣмъ болѣе, что Приказъ представилъ въ Пограничное Управленіе именные списки киргизъ, получившихъ ссуду. Однако, когда въ 1843 г. возникъ вопросъ о сборѣ съ киргизъ денегъ за взятый хлѣбъ, списки оказались подложными и отмѣченныхъ въ нихъ киргизъ въ волостяхъ найдено не было. Дѣло было поручено разслѣдовать ассессору Пограничнаго Управленія Вишневному, при чемъ соотвѣтствующая переписка тянулась до 1848 г. Въ маѣ этого года Каркаралинскій Приказъ, между прочимъ, донесъ въ Пограничное Управленіе, что «сдѣлано сношеніе со всѣми Окружными Приказами, земскими судами: Омскимъ и Бійскимъ, съ городничими Петропавловскимъ, Семипалатинскимъ и Устьбаменогорскимъ, съ приложеніемъ списковъ разыскиваемымъ киргизамъ, получившимъ въ ссуду ячмень, но кромѣ Омскаго земскаго суда всѣ вышеозначенныя присутственныя мѣста и лица увѣдомили, что по розыску киргизъ, поясненныхъ въ приложенныхъ спискахъ, нигдѣ не оказалось, а потому за неотысканіемъ лицъ, получившихъ въ ссуду ячмень, Приказъ не имѣетъ и по настоящее время никакой возможности обратить оный въ капитальную сумму». Трудно, конечно, сказать, до какого времени продолжались бы подобные розыски, еслибъ Пограничное Управленіе не разрубило этотъ своего рода гордіевъ узелъ очень своеобразнымъ предписаніемъ: «Не принимая отъ киргизъ и волостныхъ управителей никакихъ от-

говорить взыскать съ нихъ слѣдующія деньги». Деньги, разумѣется, были взысканы и въ концѣ концовъ Пограничное Управление получило возможность заявить, что все обстоит благополучно, а на дѣлѣ сдѣлать помѣтку о сдачѣ въ архивъ.

Н. Коншин.

